

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ

*Зернов Дмитрий Васильевич, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, доцент кафедры прикладной социологии, кандидат политических наук*

*Иудин Александр Анатольевич, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, заведующий кафедрой прикладной социологии, доктор экономических наук, профессор*

Начало радикальной экономической реформы ознаменовалось, в частности, интересом общества и представителей управленческих структур к социальным характеристикам состояния общества. В конце 1990-х гг. становится все более очевидным, что важнейшей составляющей социально-экономического развития территорий является психологическое самочувствие населения, его настроение, его оценок деятельности властных структур. Первые работы по измерению социального самочувствия населения или отдельных его групп в отечественной социологии приходятся на середину 1980-х годов – на период начала перестройки. Примерно в это же время появляются и первые теоретические обоснования социального самочувствия, рассматривавшие его в русле концепции образа жизни. В это время был создан ВЦИОМ, начала работу Целевая Комплексная Программа «Общественное мнение» Гособразованию СССР. Эта программа была призвана обеспечивать аппарат министерства достоверной информацией о мнениях учителей и вузовских преподавателей, работников органов управления образованием, учеников и их родителей.

В 1990-х изучение социального самочувствия населения приобрело особую популярность. В Нижегородской области осуществлялись ежемесячные замеры социального самочувствия населения и связанного с ним рейтинга власти. Интересно, что в 1992–1995 гг. происходит разделение имиджа Нижегородской региональной и федеральной власти, что характеризуется ростом рейтинга губернатора области и падение рейтинга Президента РФ [1, с. 311–315]. Разнообразных замеров в этот период осуществлялось немало, однако кажущаяся простота в понимании социального самочувствия нередко приводило к его «размытости, неопределенности» [2, с. 51].

В социологических исследованиях для измерения уровня социального самочувствия населения используются различные индикаторы. Наиболее популярным является комплекс, включающий в себя оценку положения дел в текущий период времени, качество изменения жизни за некий период (например, последний год или последние 2-3 года), а также оценку ожидаемых изменений качества жизни в ближайшем будущем. Такие

индикаторы активно используют практически все крупные отечественные центры по изучению общественного мнения, однако чаще всего итогом работы с этими индикаторами оказываются линейные распределения или различные индексы, суть которых заключается в разнице суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок (так, например, делает ВЦИОМ, рассчитывая индексы социального самочувствия) [3]. Такое представление результатов хотя и представляет определенный интерес (прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что эти наблюдения ведутся свыше десяти лет и отличаются завидной периодичностью), однако зачастую оказывается весьма поверхностным наблюдением за общественным мнением. Тогда как даже простое пересечение данных индикаторов друг с другом делает картину социального самочувствия населения более выпуклой и наглядной.

Рассмотрим, как это работает на примере одной из социально уязвимых групп населения – отечественного учительства. Данное исследование осуществлено среди учителей Нижнего Новгорода и области в самом конце 2013 года. На тот период времени наблюдался достаточно высокий уровень социального оптимизма, что вполне естественно связано со стабильным экономическим развитием и периодической индексацией заработной платы у учительства. Свыше половины учителей отметили, что за последние 2–3 года их жизнь в целом улучшилась, а около десятой части даже заявили, что их жизнь стала гораздо лучше. Рост оптимизма учительства наглядно демонстрирует сравнение данных настоящего исследования социально-психологического самочувствия с данными всероссийского социологического исследования, проведенного в 1999 году (менее чем через год после дефолта 1998 года). Поэтому по сравнению с 1999 годом уровень социально-психологического оптимизма учителей не просто существенно вырос, а поменялся с депрессивного на умеренно оптимистический: если в 1999 г. в оценках конкурировали два варианта ответа – «значительно ухудшилась» и «стала несколько хуже», то в 2013 г. вектор сместился в направлении некоторого улучшения жизни. Если в конце 1990-х гг. свыше 80% учителей говорили, что их жизнь за последние 2-3 года ухудшилась (причем, чаще говорили, что ухудшения были значительные), то в конце 2013 г., тех кто считает, что их жизнь ухудшилась, лишь 15%, причем большинство из них говорят о небольших ухудшениях (рис. 1).

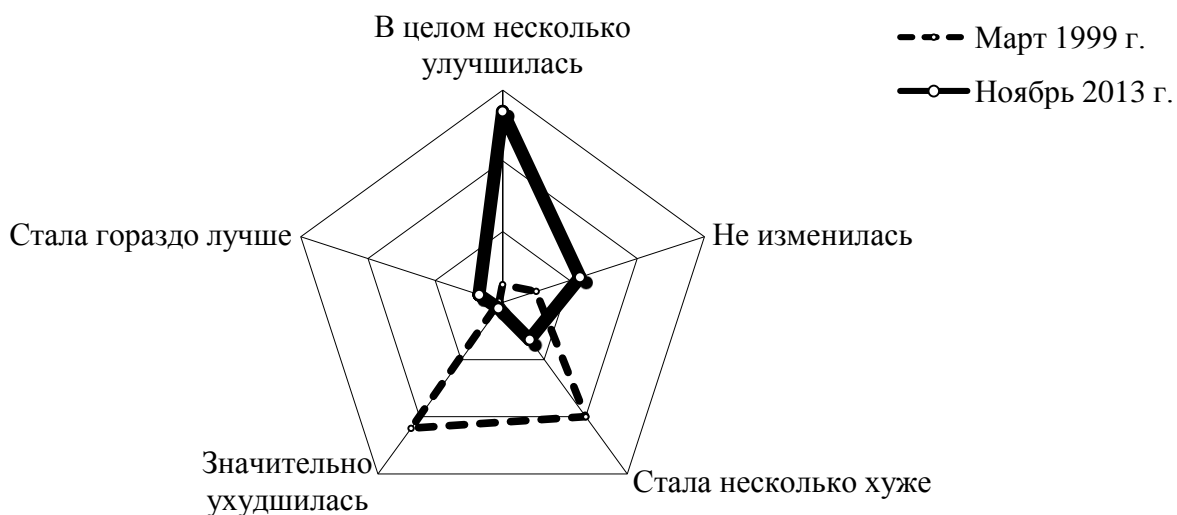


Рис.1. Динамика учительских оценок изменения жизни

Улучшение уровня жизни повышает оптимизм в восприятии действительности и это сказывается и на ожиданиях своего будущего. И опять мы видим смену вектора, хотя и не столь выразительно, как в предыдущем случае. Однако в 1999 г. доминантой жизнеощущения была тревога и неуверенность, в 2013 г. – спокойствие, хотя и без особых иллюзий (рис. 2). В конце 1990-х гг. более половины учителей демонстрировали пессимистические взгляды на будущее, а сегодня число таковых понизилось до четвертой части. При этом практически исчезают те, кто смотрит в будущее со страхом и отчаянием. И напротив, более чем вдвое (с 10% до 23%), выросло число тех, кто в будущее смотрит с надеждой и оптимизмом. Эти ожидания показывают, что период глубокой депрессии пройден, и доминирование тревожного и отчасти панического жизнеощущения, которым отличались учителя конца XX века (58%), сменилось заметно более спокойным и оптимистическим восприятием жизни (74%).

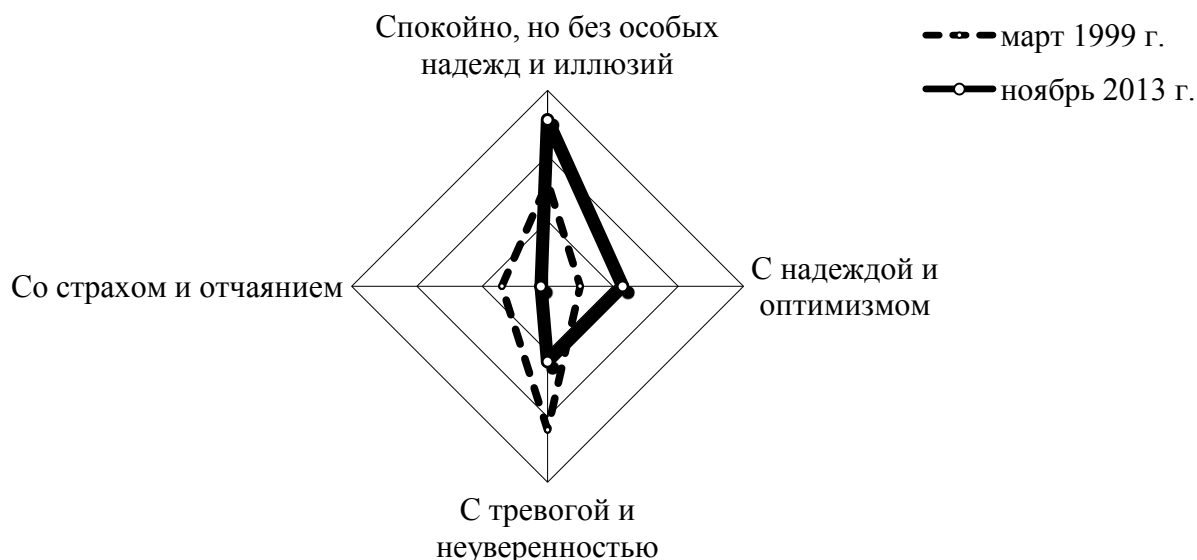


Рис. 2. Динамика учительских оценок своего будущего

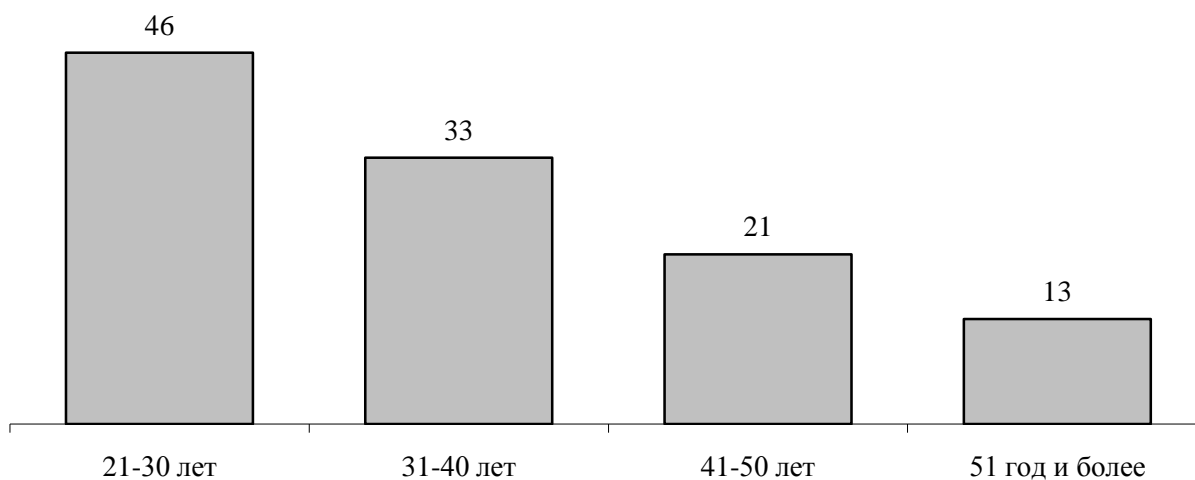


Рис. 3. Изменение оптимизма с возрастом, %

Любой из этих индикаторов может быть полезен для более глубокого анализа. Например, оценка восприятия своего будущего наглядно демонстрирует различия возрастных групп: чем моложе человек, тем радужнее представляются ему собственные жизненные перспективы (рис. 3). Что еще раз подтверждает: молодость обладает двумя важнейшими ресурсами – наличием надежд на будущее и хорошим здоровьем.

Более подробный анализ позволяет рассмотреть разные уровни оптимизма и пессимизма. Среди учителей немало оптимистов, и самую большую группу, примерно треть учителей (34%) составляют те, кто, отмечает улучшение за последние годы уровня своей жизни и спокойно смотрит в будущее, хотя и не питает особых надежд и иллюзий (рис. 4). Наиболее оптимистичны учителя, чья жизнь улучшилась, а собственное будущее им представляется ещё более радужным (19%). Довольно велика и группа неуверенных оптимистов, т.е. тех, чей уровень жизни поднялся, но будущее представляется в довольно мрачных тонах (15%). Срединную

позицию занимают учителя, чей уровень жизни за последние годы не изменился и в будущем вряд ли претерпит изменения (13%).

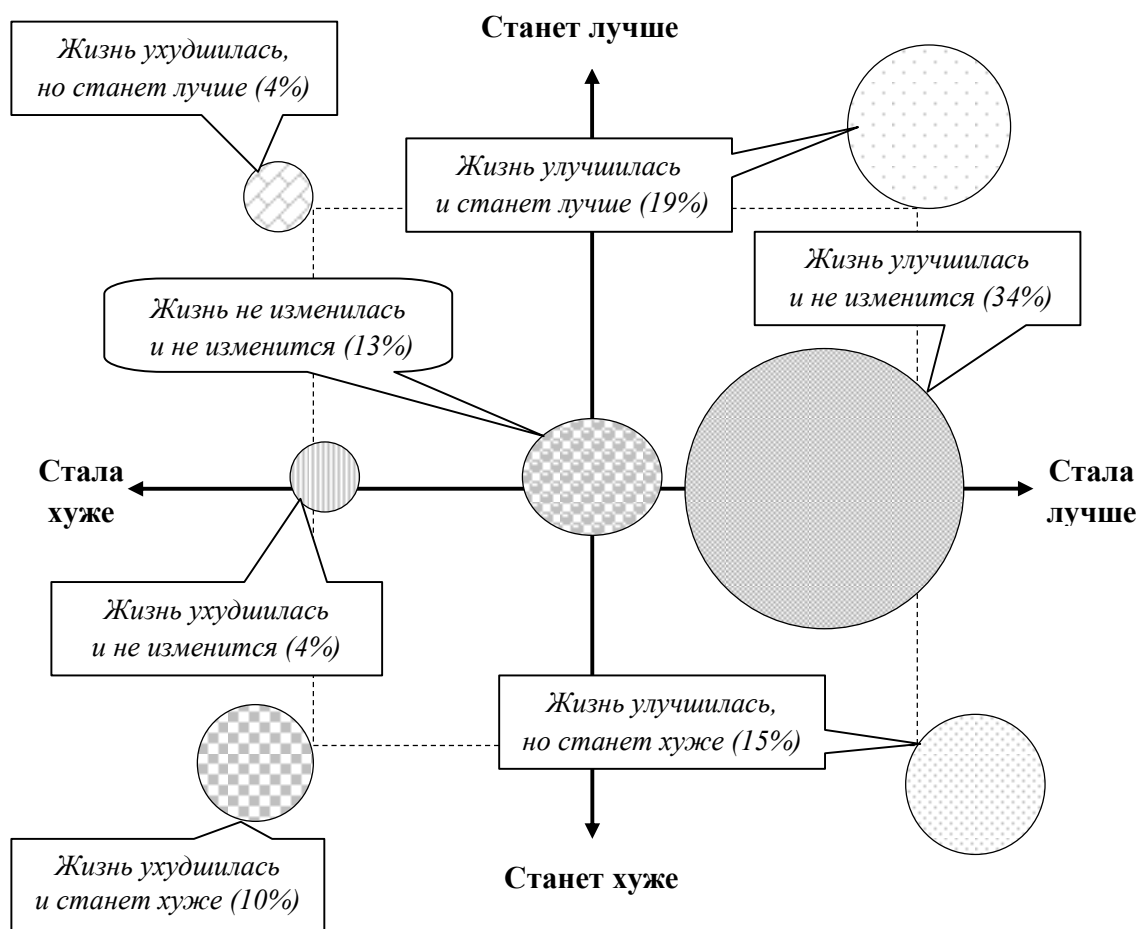


Рис. 4. Структура жизнеощущения учителей

Остальные учителя в большей или меньшей степени испытывают чувство пессимизма. Небольшая часть учителей (4%) отмечает ухудшение жизни, но оценки будущего спокойные, и такое же количество отмечает ухудшение жизни, но будущее им представляется весьма оптимистичным. Десятая часть учительства находится в состоянии депрессии: они мрачно оценивают свои перспективы, и кроме того, их жизнь за последние 2-3 года изменилась в худшую сторону. Дальнейший анализ социального самочувствия учителей позволяет выявить корреляции между структурой жизнеощущений и другими параметрами, например, оценками характера изменений в жизни в последние годы и, в частности, оценок уровня материального благополучия, и даже с восприятием положения учительства в целом [4].

Социальное самочувствие населения может быть измерено и с привлечением более сложных индикаторов. Так, оценки риска национальных угроз также могут послужить для оценки уровня социально-психологического самочувствия. Однако и здесь простых линейных распределений будет

недостаточно. Проиллюстрируем это материалами опроса жителей Нижнего Новгорода в ноябре 2014 года, и всероссийского исследования ВЦИОМ середины июля 2013 года [5]. Разница в этих двух рейтингах национальных угроз не принципиальна и легко объяснима произошедшими за год изменениями. Самым распространенным опасением нижегородцев (как и населения России) оказался страх заселения России представителями других национальностей. На втором месте вероятность экономической катастрофы и дефолт рубля (в рейтинге ВЦИОМ этот параметр отсутствовал). Объяснимо взлетел страх перед военными конфликтами с ближайшими соседями. Кстати, среди людей, говорящих о высокой вероятности данной угрозы, не менее четверти заявляет, что война с Украиной фактически уже идёт. Высоки опасения экологической катастрофы, упадка культуры, науки и образования, исчерпания нефти, газа, а также возможностей террористических актов в отношении стратегически важных объектов. Рост тревожности населения за последние годы проявляется в том, что если в 2013 году реальность угрозы заселения России представителями других национальностей допускало 35%, то в конце 2014 г. это опасение высказывают более половины нижегородцев. Опасение экологической катастрофы выросло с 28% до 42%. Рост тревожности характеризуется и высокими опасениями дефолта рубля, ограничения выезда за границу и другими индикаторами, не использованными ВЦИОМ. Измерение совокупности тревог позволяет выделить по крайней мере три группы населения – пессимистическую, реалистическую и оптимистическую. Это позволит сформировать интегральный индикатор, характеризующийся изменением размера этих групп. Следует отметить, что оптимизм–пессимизм нередко весьма плотно коррелирует с лояльностью населения к власти, что отмечалось нами в рейтингах 1990-х годов [1, с. 224–245].

Более точным способом измерения уровня социально-психологического самочувствия является выделение различных направлений опасений. Нам удалось выделить четыре достаточно самостоятельных характеристик опасений.

1. *Страх утраты суверенности России* связан с опасениями возможности распада России на несколько самостоятельных государств, собственно, потери государственного суверенитета России и введение над ней внешнего управления со стороны США и стран Запада, потери приграничных территорий. Представители этой группы чаще остальных говорят о возможности революции в России, о расколе внутри нынешней правящей верхушки, о государственном перевороте, осуществленном при поддержке западных спецслужб и даже приходе к власти фашистов.

2. *Страх социально-политической деградации страны* связан с опасением вымирания российского населения, с отсутствием товаров первой необходимости, с резким снижением уровня жизни, с возможностью упадка культуры, науки и образования. Здесь повышен процент тех, кто допускает

возможность гражданской войны в России, а также установление в стране режима полицейского государства.

3. *Опасение войны* – со странами Запада, с ближайшими соседями или странами Юга и Юго-востока. Это наиболее молодая группа населения, которой наряду с этими опасениями свойственен и самый высокий уровень социального оптимизма.

4. *Катастрофизм* связан с опасениями техногенных, экологических катастроф, угроз из космоса, террористических актов на стратегически важных объектах. Высок здесь и страх перед возможностью экономической катастрофы.

Интересно, что страх утраты суверенности характерен для людей не очень интересующихся политикой, а опасения деградации страны, напротив, характерен для людей, интересующихся политикой. Для людей, обладающих настроениями катастрофизма, характерен сравнительно низкий уровень социально оптимизма.

В заключение отметим, что в период перестройки и реформирования системы народного образования для отслеживания настроений и установок людей, занятых в сфере образования, была создана специальная программа, осуществлявшая не менее десяти всесоюзных исследований в год. Сегодня же, в период несравненно более масштабных и болезненных преобразований данной системы, работа по реформированию осуществляется методом проб и ошибок (нередко очень серьезных, на наш взгляд).

#### Список используемых источников:

1. Иудин А.А. Социальные трансформации: экономические установки населения и массовое политическое сознание (1988–1999 гг.). – Нижний Новгород: НИСОЦ–Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. – 330 с.

2. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // СОЦИС. – 2000. – №12. – С. 50-55.

3. Индексы социального самочувствия [online] / URL:// [http://wciom.ru/news/ratings/indeksy\\_socialnogo\\_samochuvstviya/](http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/) (дата обращения: 20.05.15).

4. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Социальные ориентиры и самочувствие российского учительства // Народонаселение. – 2014. – №4. – С. 41-60.

5. Рейтинг национальных угроз-2013 [online] / URL:// <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114302> (дата обращения: 20.05.15).

УДК 519.22  
ББК У013 Р-68  
С-68

**С-68 Статистика в современном обществе: её роль и значение в вопросах государственного управления и общественного развития:** Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 180-летию со времени образования органов государственной статистики Нижегородской области (г. Н. Новгород, 28 мая 2015 г.) / Под ред. Г.П. Поляковой, Р.Г. Стронгина, В.Н. Цыбанева, Н.Р. Стронгиной, В.Г. Горячевой, М.А. Паченовой.–Н. Новгород: Нижегородстат–Нижегородский госуниверситет, 2015.

*Научные редакторы сборника:*

Руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области, кандидат экономических наук *Г.П. Полякова*

Президент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, председатель Общественной палаты Нижегородской области, доктор физико-математических наук, профессор *Р.Г. Стронгин*

Генеральный директор объединения работодателей «Нижегородская ассоциация промышленников и предпринимателей», председатель Общественного совета при Нижегородстате *В.Н. Цыбанев*

Заместитель проректора по учебной и воспитательной работе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, член Общественного совета при Нижегородстате, кандидат физико-математических наук, доцент *Н.Р. Стронгина*

Заместитель руководителя Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области *В.Г. Горячева*

Начальник отдела сводных статистических работ Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области *М.А. Паченова*

Материалы научно-практической конференции посвящены актуальным проблемам и перспективам развития государственной статистики в современных условиях, а также ее роли в процессах управления

Представлены результаты исследований по различным направлениям статистики и ее приложениям в области экономики, демографии и социальной сферы. Материалы могут быть полезны при формировании направлений деятельности органов государственной власти, хозяйствующих субъектов и гражданского общества в регионах. Издание представляет интерес для широкого круга ученых практиков, преподавателей, студентов вузов, профессиональная деятельность которых связана с проведением статистических исследований или опирается на их результаты.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Позиция редакторов сборника не обязательно совпадает с мнением авторов

УДК 519.22  
ББК У013

© Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области, 2015

© Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2015